

Богиня и юродивый

В небольшом городке к северо-западу от Киева, выросшему, как это обычно бывает, из села, жизнь была до того скучна, провинциальна и даже патриархальна, что иногда казалось, будто он находится не под самым боком у столицы, а в тысяче километрах от неё. Из сельских шаровар городок, впрочем, вырос не до конца, большей частью состоя из крестьянских дворов с хатами, пристройками и сараями, откуда доносилось кудахтанье кур, бляняне коз, хрюканье свиней и мычанье коров. Несколько хрущёвских пятиэтажек, выстроенных на бывшем пустыре, гляделись скорее приبلудными чужаками, нежели коренными обитателями, а здание горкома партии на главной и единственной площади своим жёлтым окрасом и треугольным фронтоном на четырёх колоннах наводило более на мысли о помещицкой усадьбе, чем о советском учреждении. Бронзовый памятник Ленину перед горкомом изумлял своей кривизной, и когда на голову вождю садился голубь, казалось, что скульптура сию минуту завалится набок и рухнет под этой непомерной тяжестью.

Существование городка оживилось в начале семидесятых, когда на его окраине, на берегу узенькой, но извилистой до игривости речки, построили кардиологический санаторий. Бог его знает, так уж ли целебен был здешний воздух для сердечных больных, или, может быть, у тогдашнего руководителя хватило настойчивости и связей в столице, но место для санатория определили именно здесь и построили быстро и на удивление красиво. Врачей, конечно же, выпи-сали из Киева, зато обслуживающий персонал из нянечек, прачек, уборщиц и поваров был местный, и это как-то заняло часть женской половины городка и даже превратило её в своего рода элиту. Работать при санатории отчего-то считалось престижным; видимо, потому что отдыхали в нём люди столичные, а также из соседних областей – Житомирской, Черниговской, Винницкой, Черкасской – которые приросшим к своим наделам и тяжёлым на подъём жителям городка ка-зались чуть ли не иностранцами.

Главным поваром, вернее, поварихой, работала в санатории Алёна Тарасовна Горемыко, зна-менитость и, можно сказать, достопримечательность городка. Это была женщина невероятных размеров, скандального характера и неукротимого любопытства, благодаря которому знала про каждого городского обитателя всё до последней мелочи, а если чего и не знала, то с удовольст-вием додумывала. Муж её, Петро Васильевич, которого она коротко звала „Пэтей”, работал в местной кочегарке и был человеком длинным, худым и настолько безропотным, что казался ка-кою-то нелепой заготовкой в железных тисках супруги. Общей их гордостью и любовью была дочка Дуня, которая унаследовала до поры до времени наполовину дородность матери и, види-мо, навсегда вялую безвольность отца. Уже к седьмому классу все её формы, что называется, находились при ней, обещая развиваться с возрастом в нечто невероятное. Это злило её одно-классниц и побуждало к глупостям одноклассников, то норовивших коснуться её округлостей, то ляпнуть про них какую-нибудь гадость. Дуня рдела, обзывала одноклассников дурнями, а дома жаловалась на эти знаки внимания матери.

– Дунэчко, донэчко, так то ж воны от восторга, – утешала дочку Алена Тарасовна. – Воны же млеют от тебя. Та ты сама на себя у дээркало подывысь. – Она совала Дуне под нос круглое зеркальце, восхищенно глядела на дочку и с умилением произносила:

– Богыня!

К девятнадцати годам „богыня” превратилась в такую полновесную роскошь, достигла такой не-заурядности форм, что платья и юбки трещали на ней по швам. Мать продолжала восторгаться ею, обильно подкармливая принесёнными из санаторной кухни производственными излишками.

– Кушай, Дунэчко, кушай, донэчко, – приговаривала Алена Тарасовна. – Ось котлэточки, ось кор-топля смажена... Сердешным хйба можна такэ... А ты в мэнэ – тьфу-тьфу-тьфу – нивроку здо-рова, красыва, сыльна, тоби йисты трэба... Творожочок йиш, це для костей полезно.

– Леночка, – робко вмешивался муж, – ты ж так йийи до смэрти загодуеш.

– Мовчы, Пэтя, мовчы, куркуль, – наливалась краской Алена Тарасовна. – Дывыться, люды добри, йому вже для ридной дони шматочка жалко! Сам така сопля, начэ з носа высыкалы, так щэ й з дочки хочэ бледную поганку зробыць!

Кавалера у Дуни не было. Местных парней отпугивала то ли избыточность её природных форм, то ли скандальный характер её матери, которая во всеуслышание заявляла, что у неё „на каж-дого губошлёпа знайдэться по оглобли”.

– Дунэчка, ну шо тоби оте местные шибэники, – говорила Алена Тарасовна. – Це ж хулиганы и жлобьё. В них тонкости нэмае. А ты ж у мэнэ богыня! От в санатории люды так люды. С Житомиру е, с Полтавы е, с самого Киева е! Ой, трэба будэ устроить тебя до сердешных!

Она и в самом деле подсуетилась и пристроила Дуню нянечкой в санатории.

– Ну, шо, – как бы невзначай спрашивала она у какого-нибудь солидного на вид пациента, – чысто у вас в комнате?

– Чисто, – удивлённо отвечал тот.

– Доня моя постаралась, – хвасталась Алена Тарасовна. – Бачылы йийи? Богыня! От я вам её покажу...

Она чуть ли не силком тащила несчастного сердечника любоваться дочкой, но жертва её всякий раз проявляла чудеса стойкости: смиренно признавала Дунину божественность и тотчас же подлейшим образом норовила улизнуть. Ухажёров у Дуни не прибавилось, зато кривая выздоравливаемости к неудовольствию врачей стремительно поползла вниз. Разочарованная Дуня грустила, кушала и полнела.

Впрочем, ближе к середине восьмидесятых в городке появился человек, который влюбился в Дуню с первого взгляда и бесповоротно. У человека этого было не вполне благозвучное для здешних мест имя-отчество Илья Наумович и совсем уж возмутительная фамилия Альтшулер. До этого он несколько лет проработал в Киеве администратором при „Укрконцерте”, но, имея вспыльчивый характер и крайне невоздержанный язык, слегка повздорил с одним значительным лицом в этой солидной организации. Суть раздора заключалась в том, что Илья Наумович назвал значительное лицо мудаком, а тот, не согласившись с этой формулировкой, добился того, что Илью Наумовича уволили и отправили поднимать культуру на периферии.

Оказавшись в городке, Илья Наумович первым делом тщательно обследовал местный клуб, по какому-то недоразумению именовавшийся Домом культуры. Это было неприглядное на вид одноэтажное здание с облупившейся штукатуркой снаружи и полнейшим запустением внутри: покосившейся сценой, сломанными стульями и пятнами сырости на стенах.

– Дом есть, культуры нет, – резюмировал Илья Наумович. – Будем поднимать культуру, начиная с дома. Эй! – обратился он к здоровенному молодому увальню, лузгавшему неподалёку от клуба семечки.

– Шо? – лениво отозвался тот.

– Где тут у вас вредоносит местное руководство?

– Шо?

– Продолжаем разговор титанов, – невозмутимо произнёс Илья Наумович. – Вас как зовут?

– Паша.

– Восхитительно. Скажите мне, Паша, у вас в городе есть руководство?

– Начальство, шо ли?

– Ну, если вам так больше нравится...

– Мало шо мэни нравится... – пробурчал Паша. – Мэни, може, вообще ничего нэ нравится.

– Bravo, – сказал Илья Наумович. – Один единомышленник у меня уже в городе есть. Так, где тут у вас начальство, Паша?

– А в жёлтом доме на плоче, – ответил Паша. – Там оно, – он смахнул с губ прилипшую шелуху и с удовольствием заключил, – вредоносить.

– Начальство в жёлтом доме – это великолепно, – с улыбкой кивнул Илья Наумович. – Спасибо, Паша, сердечно рад нашему знакомству.

Он слегка поклонился Паше, развернулся и зашагал к площади.

– Так-так, туды-туды, – крикнул ему вдогонку Паша. Лицо его сделалось задумчивым, даже глубокомысленным, и он поновой, смакуя слово, произнёс: „Вредоносить”...

Первое лицо местного руководства было чрезвычайно удивлено, когда в его кабинет вошёл невысокий, тщедушный, но решительного вида человек лет сорока с довеском, в лёгком сером пиджаке, одна из пуговиц которого болталась на нитке, и, не поздоровавшись и не представившись, поинтересовался:

– Будем поднимать культуру?

– Шо? – переспросило первое лицо.

– Приятно видеть такую близость власти и народа, – констатировал человек. – Позвольте представиться: Илья Наумович Альтшулер, прислан к вам из Киева директором и администратором Дома культуры. С позволения сказать дом я уже видел. Культуры как таковой пока не встретил.

– Э-ээ... – начальство протянуло Илье Наумовичу руку, с досадой почувствовав, как та предательски повлажнела при слове „Киев”, – очэнь прыятно. Та вы сидайтэ.

– Если мы не поднимем культуру, – заявил, оставаясь непреклонно стоять, Илья Наумович, – то, боюсь, что сесть нам придётся вместе. Ваш клуб находится в состоянии первобытной жути. Мне сделалось дурно, когда я туда вошёл. У вас там стегозавры не водятся?

– Стегозавры... не, нэ водятся, – покрываясь испариной, пробормотало начальство. – Фондов нэ хватает...

– Придётся изыскать.

– На стегозавров?

– Да к чёрту ваших стегозавров! У нас тут, всё же, город, а не село. В свете последних решений, а также диалектической борьбы животноводства с посевными площадями, будем поднимать культуру.

Услышав знакомые интонации, местный руководитель немного пришёл в себя и кивнул.

– Дуже своєрчасно, – произнёс он.

– Причём поднимать будем как снаружи, так и изнутри, – продолжал Илья Наумович. – За снаружи я беру на себя. А за изнутри подсуётитесь сами.

– А це как?

– Стены в клубе покрасьте! Стулья нормальные поставьте! Сцену отремонтируйте!

– А на яки гроши?

– Изыщите внутренние резервы.

Руководитель вздохнул. „Внутренние резервы” ассоциировались у него исключительно с головной болью и геморроем.

– Хочу сообщить, – безжалостно сказал Илья Наумович, – что в самом ближайшем будущем вы можете смело ожидать комиссию от министерства культуры из Киева. Так что, или вы изыщите внутренние резервы, или вам будет, что им показать.

Внутренние резервы изыскались. Через месяц клуб был заново отштукатурен, стены внутри покрашены, сцена разобрана и сложена поновой, а поломанные стулья заменены на целые.

– Вот видите, – говорил Илья Наумович первому лицу, – ведь можно, если постараться. Если до испуга захотеть. Ведь самому же, согласитесь, приятно лицезреть такую прелесть.

– Лицезреть... воно да, воно приятно... – кивало первое лицо. – Илья Наумович, а когда ждаты комиссию из Киева?

– В любую минуту, – отвечал Илья Наумович.

За тот месяц, что Илья Наумович обретался в городке, отношение к нему сложилось странное. Чужак, да ещё еврей, да ещё затеявший никому не нужную мороку с клубом, вызывал подозрение и даже раздражение.

– Мало нам було санатория, так ще культура понаехала, – ворчали обитатели городка.

Понаехавшая культура, меж тем, ютилась в клубной гримёрке, ходила в одном и том же пиджаке с вечно отрывающейся и не могущей до конца оторваться пуговицей и вскоре стала чем-то вроде местного юродивого. Но когда клуб был отремонтирован, Илья Наумович, используя все свои киевские связи в артистических кругах, принялся творить чудеса. На сцене Дома культуры забытого Богом городка стали появляться эстрадные и цирковые: фокусники, чтецы, акробаты, клоуны, жонглёры и лилипуты. Пустеющий даже в лучшие времена клуб был теперь битком набит по выходным, а от лилипутов местная публика попросту млела. Илья Наумович в одночасье превратился из изгоя в кумира.

– Це ж совершенно нэвэроятно, Илья Нумович, – восторгалось первое лицо. – Вы, мабуть, якесь волшебнэ слово знаетэ.

– Изыскиваю внутренние резервы, – скромно отвечал Илья Наумович. – А волшебных слов на свете столько, что если из каждого веревку свить, так полруководства перевешать можно.

– Господь з вами, – испуганно махало руками первое лицо. – Такэ скажэтэ, що слухаты страшно... А шо, Илья Наумович, скоро к нам комиссия из Киева?

– В любую минуту, – привычно отвечал Илья Наумович. – А нам таки есть теперь, что ей показать.

Порядок на концертах, организованных Ильей Наумовичем, царил идеальный. Поначалу за этим строго следили здоровяк Паша, с которым случай свёл будущего клубного директора в первый день приезда, и его столь же внушительного вида приятели. Но скоро эта мера предосторожности сделалась излишней, поскольку все без исключения ожидали с замиранием сердца очередного представления и особенно приезда вождельённых лилипутов. Однажды, впрочем, случился конфуз, когда по настоянию свыше Илья Наумович вынужден был пригласить высокопоставленного чтеца, к слову сказать, народного артиста республики. Тот, крупный, вальяжный и очарованный собою, с некоторым пренебрежением вышел на клубную сцену провинциального городка и, явно одаривая собою присутствующих, принялся декламировать из Маяковского:

– Разворачивайтесь на марше! Словесной не место кляuze...

Не успел столичный чтец дойти до „товарища маузера“, как из публики в него полетел ботинок. Народный до того опешил от такого признания его таланта, что не сразу отреагировал, и лишь раздавшийся во все пальцы свист донёс до него суть фиаско. Он бросил в зал испепеляющий взор и свирепо ретировался со сцены. На его место выскочил Илья Наумович.

– Уроды, – с какой-то не подходящей к сказанному нежностью объявил он залу. – Ну, подождите у меня...

Он бросился за кулисы, где народный клокотал от праведного гнева.

– Слушайте, – сказал Илья Наумович, – не надо так обижаться. Это же провинция, дикий народ. Ради Бога, простите их. Вы, скажу я вам, и сами хороши: вышли, надулись, как индюк, стали читать им про какие-то бл@dские марши. Рассказали бы чего-нибудь попроще. Например, анекдот. Например, анекдот про жопу. Выйдете и расскажите им анекдот про жопу. Вас тут же полюбят.

– Что?! – громыхнул чтец. – Чтоб я... народный артист республики... рассказывал со сцены анекдоты про жопу?!!

– А что вас так смутила жопа? Вы бывали в местах поинтересней? Ладно, не хотите про жопу, расскажите анекдот про что-нибудь другое. Тихо, тихо, не надо этих эмоций, я уже по вашему радостному лицу всё понял. Не рассказывайте никаких анекдотов. Только сидите здесь и никуда не уходите, я сейчас всё устрою.

Илья Наумович снова вышел на сцену. Зал притих.

– Вы мудаки, – свирепо молвил маленький администратор. – Я пригласил народного артиста республики! Народного арти... Короче, – он угрожающе глянул на публику, – если ещё хоть одна сволочь кинет ботинок, – он свернул пальцы рук в два кукиша, – вот вы у меня увидите цирк, вот вам будут лилипуты!

Столь неудачное начало концерта сгладилось пышным его окончанием в виде банкета, который устроили в обеденном зале санатория, поскольку лучшего ресторана в городке не было. За щедро накрытыми столами присутствовала вся местная элита: руководство во главе с первым лицом, главврач с заместителями, представители городской интеллигенции (Илья Наумович и начальник железнодорожной станции), а также передовики производства, в число которых непонятным образом попала Дуня Горемыко, видимо, пристроенная сюда заботливой мамой Алёной Тарасовой. Народный с удовольствием закусывал, с ещё большим удовольствием пил коньяк и, наслаждаясь собою, разглагольствовал об управлении периферией. Руководство в лице первого рассуждало о железных дорогах. Начальник железнодорожной станции высказывал тонкие суждения о культуре. А культура в лице Ильи Наумовича отмалчивалась и не сводила глаз с Дуни.

– Кто это юное совершенство? – тихо поинтересовался он у начальника станции, который только что решительно отдал предпочтение художественной декламации перед шпагоглотанием.

– Та где? – удивился начальник станции.

– Да вон же, напротив нас, с белым личиком, пунцовыми щёчками и глазками, как у ангела...

– Це вы про Дуньку Горемыко? Про дочку поварихину?

– Боже мой, какая роскошь, – восторженно пробормотал Илья Наумович. – Это же не женщина, а шесть пудов человеческого счастья!

– Та вы сдурили, – покачал головой интеллигентный начальник станции. – Це ж такэ щастя, шо вид нёго тикаты трэба, сломя голову. Вы её маму бачылы? Вы йийи чулы? Це ж полный... – он задумался в поисках подходящего слова и закончил: – апокалипсис.

– Начхать мне, извините за тонкость, на её маму, – ответил Илья Наумович, – и на апокалипсис тоже. Я с нею познакомлюсь.

– Ну, якщо вы розумных людэй слухаты нэ хочэтэ, так и шукайтэ соби приключэний на голову, – обиженно заявил начальник станции.

– Спасибо, – кивнул Илья Наумович, – я всю жизнь нахожу себе приключения. И не только на голову.

Несколько дней кряду Илья Наумович пытался подкараулить Дуню, но та неизменно возвращалась домой с грозной мамашей, на которую Илья Наумович грозился начхать, но подойти и проделать это отчего-то не решился. В один из субботних вечеров, когда он, с любовной думой по полам, бродил по городку, ему, всё же, посчастливилось: он увидел Дуню, одиноко вышагивающую в резиновых сапогах по уличному месиву.

– Глазам не верю! – воскликнул он, подсакивая к предмету обожания, который на полголовы возвышался над его собственной макушкой. – Дуня, неужели это вы?

Дуня с удивлением посмотрела на незваного кавалера.

– Я, – сказала она. – А шо?

– Просто никак не ждал увидеть вас одну, без мамы.

– Мама борщ готовыть, – ответила Дуня. – А мэнэ послала аппэтыт нагуливать.

– Ах, Дунечка, если б вы знали, какой аппетит вы мне нагуляли за эти дни! – Илья Наумович прижал руку к сердцу. – Почему я вас ни разу не видел на концертах в клубе? Для кого я их, по-вашему, устраиваю?

– Для артистов?

– Ах, Дуня, если б вы знали, как мне наплевать на всех артистов оптом и в розницу! Всё было организовано ради встречи с вами, которую вы так упорно игнорировали.

– Мама каже, шо концерты – це вертеп, – покраснев, сказала Дуня. – Шо культурни люды на концерты нэ ходят.

– Дунечка, у вас такая предусмотрительная мама, что я прямо удивляюсь, как она вам позволила родиться на свет. Мир – это такой вертеп, что культурным людям просто опасно в нём родиться. Вы разрешите прогуляться с вами?

– Так я вже домой шла.

– Тогда я вас провожу. В этом вертепе столько хулиганов... – Илья Наумович изогнул руку полукольцом, как бы приглашая Дуню на него опереться.

– А шо вы им сделаете? – спросила Дуня, механически продевая свою лапищу в предложенное ей полуколечко. – Вы ж такой малэнький...

– Малэнький, алэ злый, як собака, – заверил её Илья Наумович, элегантно ведя по дорожной грязюке. – Можу покусаты.

– Ой! – испугалась Дунечка, выдергивая руку – Так вы скажэный?

– Что вы, – Илья Наумович вернул её руку назад, – я просто отважный. Ваше присутствие и моя любовь придают мне смелости. Вот гляжу я на вас, Дунечка, и мне хочется быть маленьким отважным странником, затерявшимся среди ваших холмов.

– Та ну вас, – покраснела Дуня, чувствуя, как сердечко её тает, – придумалы ж холмы какие-то...

– Горы, Дунечка, горы... С опасными перевалами и ложбинами, где одинокого странника подстерегают злые разбойники... Ого, одного уже вижу! – Илья Наумович остановился и гневно указал пальцем на огромную, темнеющую в сумерках фигуру, которая, прислонившись к забору, лузгала семечки. – Ваш ухажёр вас дожидается? Подстерегает вас? Сейчас вы увидите, какой я маленький...

– Та якый ухажер... – начала было Дуня, но Илья Наумович уже подскочил к фигуре и с размаху залепил ей оплеуху.

– Это тебе, чтоб не караулил чужих женщин! – объявил он.

– Та шо ж це такое, – обиженно удивилась фигура. – Стою, лузгаю семочки, никого нэ трогаю... Вы сдурели, Илья Наумович, чы шо?

– Ой... – изумился Илья Наумович. – Это ты, Павлуша?

– А шо Павлуша... Як Павлуша, так можно сразу в морду вместо „здрасьте“? Це шо ж у нас за город такой, шо це вже деятель культуры нэ може мимо пройти, шоб тоби по морди нэ хлопнуть?

– Ты зачем Дуню у забора караулил?

– Шо значыть караулил? Це мой забор, я за ным живу.

– Павлуша, ну прости Бога ради, – Илья Наумович прижал руки к груди. – Ну, хочешь, дай мне тоже в морду.

– Ага, – кивнул Павлуша, – я вам в морду, а мэнэ в тюрьму за убийство. Воно мэни трэба, такэ щастя за вашу морду? Идить вже, Илья Наумович, з вашею Дунею, я тут зараз шось вдребезги разнесу...

Илья Наумович смущённо приобнял Дуню и повёл её дальше. Та не отстранялась.

– А вы правда, – сказала она, – такой...

– Скажэный?

– Отважный. Павло ж вин... такой... Вин кабана вбыты може.

– Так я ж не кабан, Дунечка.

– Не, вы нэ кабан... Ну всэ, мы прыйшлы.

Они остановились у деревянного забора с калиткой, за которым виднелось несколько яблонь и шиферная крыша дома.

– Неужели вы так скоро хотите меня покинуть? – полужалобно-полулукаво спросил Илья Наумович.

– Так мама ж борщ сварила.

– О, я понимаю, борщ – это святое, тут я не соперник. А не хотите ли пригласить меня на борщ?

Дуня зарделась.

– Ну, я нэ знаю... шоб прям так скоро, – промямлила она. – Шо мама скажэ...

– Шо-то все меня хотят напугать вашей мамой, – улыбнулся Илья Наумович. – Да вы не смущайтесь так, я ж не на сегодня напрашиваюсь.

– А на когда?

– На завтра. Вчерашний борщ всегда вкуснее.

В это время из-за забора слышалось хрюканье.

– Это из комнаты вашей мамы? – поинтересовался Илья Наумович.

– Та не, це ж Инженер, – сказала Дуня.

– Кто?

– Инженер. Такой жирный, морда хитрая... Мы його к Новому году зарежем.

– Что? – Илья Наумович почувствовал, как голова у него пошла кругом. – Это у вас такой семейный обычай, резать под Новый год инженеров?

– Та ну вас... Инженер – це ж боров. То ж вин у хлеву хрюкав. Така хитра, така розумна свиня...

– Знаете, Дуня, – сказал Илья Наумович, – в ваш дом нельзя входить неподготовленным. И хоть судьба несчастного Инженера вынуждает меня опасаться за собственную, но решений своих я не меняю. Ждите завтра в гости. Вот вам залог, что я не передумаю.

Он привстал на цыпочки и поцеловал Дуню в пухлую щеку. Дуня в очередной раз покраснела, даже зарделась, и со словами „та ну вас, скажэный”, несильно и как-то нерешительно хлопнула Илью Наумовича по физиономии и скрылась за калиткой.

– Восхитительно! – сказал Илья Наумович, благоговейно потирая ушибленную щеку. – Какая изумительная девушка. Надеюсь, когда мы поженимся, она будет так же щедро раздавать пощёчины тем, кто вздумает прицепить мне на голову рога.

На следующий день Илья Наумович всё в том же сером пиджаке с отдельно доживающей пуговицей, но с огромным букетом пунцовых роз в руках объявился во дворе семейства Горемыко, каждый из членов которого встретил его по-своему: Дунечка попунцовела не хуже букета, невнятный отец Петро Васильевич пробормотал что-то вроде „дуже радый, дуже радый”, а необъятная и скандальная Алена Тарасовна с присущей ей откровенностью нрава гаркнула:

– Дуню, це шо за прыщ?

– Драгоценная Алена Тарасовна, – спокойно ответил за Дуню Илья Наумович, – я так понимаю, что вы хотели сказать „принц”, а „прыщ” у вас вырвалось от волнения. Совладайте с собою, пригласите меня за стол и угостите вашим знаменитым борщом, о котором говорит весь город.

– Ця божевильна падлюка знае, як пидступытыся до людей, – буркнула Алёна Тарасовна. – Ну, милости прошу у хату. Я б вам, конечно, цей борщ з привэлыкым удовольствием вылыла б на голову, так жалко ж борща. Дуню, сунь его веник у вазу и скажи своему нэдоразумению, шоб воно сидало за стол.

Илью Наумовича, судя по всему, ждали, поскольку стол уже был накрыт, на белой льняной скатерти стояли тарелки и рюмки, в мисках атели помидоры, нежно зеленели огурчики, меж кольцами домашней колбасы бледно розовело сало, а в хрустальном графине таинственно и зовуще поблёскивала водка. Петро Васильевич, Илья Нумович и Дуня сели за стол, а Алена Тарасовна отправилась на кухню и вернулась оттуда с огромной кастрюлей, в пузатом чреве которой багрово и тяжело дышал борщ. Петро Васильевич робко глянул на жену и, получив от неё снисходительный кивок, предвкушающе потянулся к графину и разлил водку по рюмкам.

– Ну, шо, будэм здорови, – провозгласил он и выпил, чуть ли не крякнув от запретного удовольствия.

– Будэм, будэм, – кивнула Алёна Тарасовна. – Вы сальцем зайидайтэ, домашне, свиже... Чы, можэ, вам сала нельзя?

– Почему ж нельзя? – весело осведомился Илья Наумович, кладя тонко нарезанный ломтик сала на кусок ржаного хлеба.

– Ну, жидочки... еврэи, то есть, воны ж сала не йидять?

– И давно вы в последний раз видели еврея, который не ест сала?

– Та я йих вообщэ никола не видеала.

– Ну, так у вас устаревшие сведенья. С тех пор, как Карл Маркс и житомирский райотдел народного образования отменили налог на добавленную стоимость, сало признано кошерным продуктом, если его употреблять с водкой. Наливайте ещё, папа.

Петро Васильевич, с искренней симпатией глядя на гостя, налил по второй.

– Дорогая мама и уважаемый папа, – торжественно проговорил Илья Наумович, поднимая рюмку с переливающейся водкой, – предлагаю выпить за то, что я имею неслыханную наглость оказать вам немислимую честь просить руки вашей дочери.

Алёна Тарасовна, уже поднёсшая рюмку к губам, едва не поперхнулась. Петро Васильевич принялся робко хлопать её по спине.

– Убэры руки, шо ты мэни там настукиваешь своей курячей лапкой, – рывкнула на него Алёна Тарасовна. Затем она грозно повернулась к Илье Наумовичу.

– Слухай, ты, нахалюга, – сказала она. – Ты зовсім совість потерял чы с глузду зыхав? Ты подывысь на мою богыню и на сэбэ в дзэркало. Ты ж юродивый. Твоя ж бідна мама, якбы знала, шо з нэйи вылизэ, так усэ ж соби позашивала б.

– Так уж устроено на свете, – притворно вздохнул Илья Наумович, – что из одних вылупляются красавцы, а от других шарахается их собственная тень. Но моя мама, а также мой папа, были такие смешные люди, что невроку гордились мною.

– Хотела б я подывытысь на тех родителей, шо гордилися б таким шибэныком.

– Увы, – ответил Илья Наумович. – Поглядеть на них вам не удастся. Мои родители, земля им пухом, уже несколько лет как умерли.

Петро Васильевич сочувственно покачал головой и поновой потянулся к графинчику, но супруга хлопнула его по руке своею мощной дланью.

– На их месте я б тэж долго нэ зажилася бы, – бессердечно заметила она Илье Наумовичу.

– Мама, зачем вам их место, – пожал плечами Илья Наумович. – У вас теперь будет хороший шанс умереть на своём. Папа, не тушуйтесь, налейте нам ещё водки.

– От токо попробуй налыты цьому выродку водки, – грозно предупредила мужа Алёна Тарасовна. – Дуню, а ты чога молчышь? Твой отец – шо с него взяты? Вин вже давно нэ рэагурует, як всяки проходимцы обращаються с его женой. Пры ньому можно вылыты на его жену вэдро помоев, а вин будэ стояты и лыбытысь, як той сапог, шо просыть каши.

– Леночка, – вмешался в беседу Петро Васильевич, которому, видно, выпитая водка придала смелости, – шо то на всех кидаеться, як больна на голову курыця? Такой хороший чоловік прыйшов... Водку пье, сало йисть, доню нашу любыть...

– А тоби шоб выпить було с ким, так уже и хороший чоловік... Ты бы хоч спытав, яка у цього хорошого чоловіка фамилия.

– Альтшулер, – с удовольствием представился Илья Наумович. – Илья Наумович Альтшулер.

– Чув? – Алена Тарасовна повернула к мужу сделавшееся бурякового цвета лицо. – Хочэш, шоб твоя доня була Евдокия Пэтривна Альтшулер?

– Мама, – заверил её Илья Наумович, – поверьте мне, нет ничего плохого в том, чтобы стать из Горемыки Альтшулером.

– Ты мэни щэ помамкай тут, – окрысилась на него Алёна Тарасовна. – Я тоби таку мамку дам... Дунэчко, богыня моя, – она чуть ли не слёзно обратилась за последней поддержкой к дочери, – скажи хоч ты що-нэбудь.

Дуня вышла из комнаты.

– От! – обрадовано заявила Алена Тарасовна. – Зрозумив, байстрюк? Нэ хочэ вона с тобою розмовляты...

В комнату снова вошла Дуня. В руках она держала иголку и нитку.

– Давайте я вам пуговицу прышию, – сказала она, подходя к Илье Наумовичу. – А то вона у вас болтається.

Она оторвала от пиджака Ильи Наумовича болтавшуюся на нитке пуговицу и, чуть прижавшись к гостю, принялась неторопливо пришивать её обратно.

– Рятуйтэ, – только и проговорила Алена Тарасовна. – Ой, людоньки рятуйтэ, мэни погано... Дайтэ мэни вальерьянки чы я зараз усих повбываю...

– Мама, зачем вам валерьянка, когда есть водка, – улыбнулся Илья Наумович. – Папа, налейте ей. Мама, выпейте и успокойтесь.

Алёна Тарасовна не то, чтобы успокоилась, но залпом опрокинула свою рюмку.

– Выпейте ещё, не мелочитесь, – улыбнулся Илья Наумович. – Давайте пить и радоваться. Я же вижу, какая у вас огромная душа.

– С чего ты взяв, опудало, шо у меня огромная душа?

– Ну, не может же такое роскошное тело совсем пустовать. Чем-то ж вы его заполняете помимо борща. Ваше ж сердце должно прыгать от восторга при виде нас с Дунечкой. – Он нежно прильнул к своей избраннице, которая привычно зарделась, но даже не подумала от него отстраниться. – Вы мне лучше скажите, где вы ещё видели такое счастье?

– В гробу, – ответила Алена Тарасовна. – В гробу я бачыла таке щастя.

– Мама, не спешите в свой гроб, пожалейте землекопов. В этом маленьком городке на вас не хватит скорбной земли. Лучше послушайте своё сердце. Что оно вам говорит?

– Воно мэни говорыть взяты дрын и отдубасить тебэ поперек твоейи наглойи спыны! Дунэчко, богыня моя, – Алёна Тарасовна с последней надеждой глянула на дочь, – он жэ старый, нэкрэсывый еврэй. Якбы щэ еврэй, як еврэй був, а то ж юродивый! Дарма шо Альтшулер, а живэ в грымерной пры клуби.

– И я там жыты буду, – тихо сказала Дуня.

Алёна Тарасовна охнула и схватилась за сердце.

– А знаете, мама, вы таки правы, – проговорил Илья Наумович, с изумлением разглядывая Дуню. – Ваша дочь действительно богиня.

Свадьбу сыграли через полтора месяца всё в том же обеденном зале санатория. На Илье Наумовиче был новый чёрный костюм, где все пуговицы были соблюдены в строгости, Дуня в белом свадебном платье и фате казалась если не богиней, то очень весомым воплощением небесного на земле, отец Петро Васильевич был торжественен и решителен до непривычности, зато Алёна Тарасовна выглядела бледной тенью самой себя. За короткий этот срок она почти совершенно лишилась власти над дочерью, и даже муж её, безвольный и безропотный, вдруг точно ожил и востепенел, стал временами позволять себе несогласие и уж Бог весь откуда завёл моду стучать на неё по столу своей курячьей лапкой. Оживлённей всех выглядел Павлуша, которого Илья Наумович взял в свидетели. Страшно гордый доверенной ему ролью, Павлуша важничал, раздувал щёки и смертельно надоедал гостям, на все лады расхваливая жениха.

– Бэспрэдельно культурна людына, – говорил он. – Даже як по морди тоби хлопнэ, так нэ абы як, з усиейи дури, а интеллегэнтно, з пониманием.

Илья Наумович, меж тем, отыскал в толпе гостей солидную фигуру главы городского руководства, извинившись перед остальными, отвёл того в сторонку и не без лукавства заметил:

- Вот ведь, Иван Данилович, как оно бывает – приезжаешь нести культурное, а взамен находишь божественное.
- Це вы про шо, Илья Наумович? – удивился глава.
- Да про жену мою, про Дунечку.
- А, це так, – согласился глава.
- Значит, одобряете?
- Кого?
- Да женитьбу нашу.
- Дуже своєрѣменное решение, – кивнул Иван Данилович.
- А раз так, то надо бы поддержать божественное и культурное материальным.
- Илья Наумович, – взмолилось первое лицо, – вы щось такэ кажетэ, шо у мэнэ голова скрипыть от ваших слов. Вы чого хочэтэ?
- Да пустяка. Маленького ключика от дверцы в счастливую жизнь. Согласитесь, не может же молодая советская семья ютиться в гримѣрке при Доме культуры.
- Ага! – Иван Данилович прищурился. – А от у мэнэ до вас встречный вопрос: комиссия когда прыйидэ?
- Какая комиссия? – удивился Илья Наумович.
- С Киева. От министерства культуры.
- А на шо она вам?
- Та мѣни она нѣ на шо. Це ж вы мэнэ всё врѣмя ею лякалы, колы деньги на клуб выколачувалы.
- А при чѣм тут квартира?
- З одного боку як бы и нѣ пры чем. А з другого так пры чем, шо я и нѣ знаю...
- Иван Данилович, – Илья Наумович прижал руки к груди, – даю вам слово, что когда у нас с Дунечкой родится сын, мы назовем его Иваном, в вашу честь.
- А хоч Мао Цзѣдуном назовите, – ответил глава. – Нѣмае квартыр.
- А в хрущѣвке?
- Нѣмае. А на шо вам квартыра? У тѣщи с тестем живить. Он у ных цила хата.
- А вы бы, Иван Данилович, захотели с такой тѣщей жить?
- А на шо мѣни хотеть з нѣю жить? У мэнэ своя тѣща е – дай йий Бог здоровья у Чорнигивський области.
- А вы представьте, что вас перевели в Черниговскую область и к тѣще подселили.

– Знаетэ шо, – обиделся Иван Данилович, – якщо у вас така больна фантазия, так вы соби нафантазируйте квартиру и живить в ней. А мэни писля отаких выших слов водкы трэба выпыты.

Иван Данилович в тот вечер и в самом деле крепко приударил за водкой, но многолетний партийный и руководящий стаж до того закалили его организм, что Илья Наумович, подкативший к нему поновой насчёт квартиры, напоролся на категорический отказ, сделанный на сей раз в форме фамильярной до грубости, и напоследок к полному своему изумлению услышал, что с ним, Иваном Даниловичем, „оци кацапськи штучкы нэ пройдуць”.

– Это вы мне? – на всякий случай переспросил Илья Наумович.

– А будь кому, – щедро ответил глава, закусывая маринованным грибочком. – У нас, слава Богу, уси нациии ривни.

Илья Наумович, погрустневший и совершенно ошеломлённый, покинул Ивана Даниловича и вышел на длинный, идущий вдоль всего этажа балкон. На балконе, опёршись о колонну, стоял его свидетель Павлуша и с философским спокойствием лузгал семечки.

– Павлуша, – сказал Илья Наумович, – у тебя закурить есть?

– А вы хйба курытэ? – удивился Павлуша.

– Якбы курыв, свои булы б. Так есть у тебя сигареты?

– Нэма, Илья Наумовыч. Я оцю пакость николы до рота нэ совав. Семочек хочэтэ?

– Нет, Павлуша, семочек не хочю.

– А чога цэ вы такый сумный, начэ у вас хата сгорела?

– А хоть бы и сгорела, Павлуша. Только вот гореть нечему. Не дают нам с Дуней хаты. Живите, говорят, в своем клубе. Или к тэще переезжайте.

– Нэ дай Боже, – перекрестился полной жменей семечек Павлуша.

– Вот ты меня понимаешь. Это теперь она притихла, а как мы к ней переедем, и меня съест, и Дуню съест, и мужем Петром Васильевичем закусит.

– Вона така, – подтвердил Павлуша. – Аппэтыт добрый мае.

– А в гримёрке клубной с молодой женой – как? – продолжал размышлять вслух Илья Наумович.

– Невеста – одно дело, а жена... А дети пойдут...

– Дети – це хорошо, – сказал Павлуша.

– Кто ж спорит... Будут по клубу бегать и в гримёрке на горшок ходить... Ладно, Павлуша, пойдём к гостям.

– Вы идить, – ответил Павлуша, – а я цэ трохы полузгаю.

Илья Наумович вернулся в зал. Гости продолжали угощаться и отплясывать, Дуня сидела печальная, а рядом с нею примостилась Алёна Тарасовна и что-то яростно, делая страшные глаза, втолковывала дочери. Илья Наумович бросил на тэщу такой свирепый взгляд, что та мгновенно осеклась, недовыплюнув отравленное слово, и навсякий случай ретировалась подальше.

– Скучаешь, богиня моя? – нежно спросил Илья Наумович у Дуни. – Бросил тебя пакостный муж, удрал куда-то и адреса не оставил?

– Та ну вас, Илья Наумович, – полуиспуганно–полужеманно ответила Дуня. – Скажэтэ такэ... Абы налякаты...

– Дунечка, – улыбнулся Илья Наумович, – ты так и будешь всю жизнь называть меня на „вы” и по имени-отчеству? Представь, родятся у нас детки, и ты при них станешь мне кричать: „Илья Наумович, идите кушать яичницу!” Они ж подумают, что я им посторонний.

– Та я щэ нэ звыкла, – покраснела Дуня.

– Ты меня, главное, сегодня ночью Ильей Наумовичем не назови. А то я так на брачном ложе подпрыгну, что весь наш Дом культуры развалится.

При упоминании о брачном ложе Дуняша сделалась вовсе свекольной.

– А мама-то твоя неправа, – продолжал Илья Наумович. – Зря она меня юродивым называла. Юродивые чудеса творили, кровопролитья останавливали. А твой муж обычной квартиры вымолить для нас не сумел. Баран он вислоухий, а не юродивый.

– Може, нэ про то молился? – сказала Дуня.

– А про что надо было?

– Ну, я нэ знаю... Та ничего, Ильшенька, як-нэбудь проживэмо.

Илья Наумович на мгновение застыл, глядя на Дуню.

– Беру свои слова назад, – проговорил он. – Твоя мать была права. Нет, не про меня – про тебя. Ты не просто богиня, ты всем богиням богиня. А пойдём-ка потанцуем. Свадьба у нас или как...

– Та шо з мэнэ за танцюрыстка... Люды ж смятыся будуть.

– И пусть смеются. Пусть смотрят на нас и смеются. На свадьбе должно быть весело.

Он взял Дуню за руку и повёл её в центр зала, где подвыпившее гости уже отплясывали какую-то фантастическую смесь гопака и чёрт знает чего под импровизации местного баяниста.

– Расступитесь-ка! – скомандовал Илья Наумович. – Молодые вальс танцевать будут. Слабонервным просьба удалиться. Маэстро, сделайте нам музыку.

Баянист, глянув на молодых, выпил рюмку водки, перекрестился и заиграл „Амурские волны”. Ещё ни на одной свадьбе не было такого удивительного вальса. Маленький жених, обхватив невероятную в благородном дородстве невесту, кружил её по залу, как отважный муравей, несущий на себе нечто непомерное и невообразимое. Ноша выглядела неподатливой, казалось, что она вот-вот раздавит муравья. Полы белого свадебного платья развевались, смахивая в кружении тарелки и рюмки со столов, опрокидывая стулья и тех из гостей, кто и так уже не слишком твёрдо держался но ногах. А потом случилось чудо: муравей и ноша слились вдруг в одно целое и превратились в маленькую барку под огромным белым парусом, которая смело рассекала поднявшиеся волны, то ныряя в них, то взлетая на самый гребень.

– Илюшенька, посады мэнэ куды-нэбудь, – прошептала Дуня, – бо мы тут зараз усэ розтрощым...

Илья Наумович бережно подвёл Дуню к стоявшему у балконного окна стулу, усадил на него, галантно поцеловал ей руку, а затем нежно в губы. В балконное стекло постучали. Илья Наумович поднял голову и увидел в окне перепачканную физиономию Павлуши.

– Тебе чего? – одними губами произнес Илья Наумович.

Павлуша энергично зажестикублировал, приглашая Илью Наумовича выйти к нему на балкон. Илья Наумович покачал головой. Павлуша повторил приглашение. Илья Наумович покрутил пальцем у виска.

– Дунечка, прости меня, – сказал он. – Я на секунду. Меня тут один сумасшедший в гости зовёт.

– Кто? – испугалась Дуня. – Куды?

– Да Павлуша. На балкон. Неймётся ему чего-то. Я ненадолго.

Он ещё раз поцеловал Дуню и вышел на балкон к Павлуше.

– Ну, чего тебе? – сердито спросил он.

– Я это... За сигаретками для вас збигав.

– Какими ещё сигаретками?

– Так вы ж это... курыты хотилы.

– Да какие ж теперь сигареты? Закрыто всё.

– Ага... всё позакрывалы, куркули. Нэма сигарэт, Илья Наумович. Може, семочек будете?

– Павлуша, дай тебе Бог здоровья, – покачал головой Илья Наумович. – Ладно, сыпь свои семечки. Ты где так перемазался?

– Так упав... колы за сигарэтами вам бигав, – ответил Павлуша, отсыпая Илье Наумовичу пригоршню семечек. – Така грязюка, така грязюка...

Они встали у балконных перил, лузгая семечки и сплевывая вниз шелуху. Небо над городком почернело и порябело от высыпавших на нем звёзд. Тихо журчала извилистая речка, сонно шелестели деревья, а над их верхушками плыло красивое зарево.

– Это что там за огонь? – словно очнувшись, удивился Илья Наумович.

– Мабуть, горыть щось, – лениво ответил Павлуша.

– Так там же, вроде, наш Дом культуры стоит!

– Ну, знаычть, вин и горыть.

– Павлуша! – Илья Наумович строго глянул на молодого увальня. – Ну-ка, посмотри мне в глаза. Ты куда бегал?

– Так за сигарэтами ж вам.

– Какие ещё к черту сигареты! Это ты клуб поджэг?

– Скажетэ тоже... Чого це я клубы должен жечь? Шо я, зовсим дурный? Зато тэпэр вам квартиру дадут. Нэ можна ж так, шоб вы на вулыци жили.

– Ты хоть понимаешь, что тебя посадят?

– Не, нэ посадять, – лицо Павлуши расплылось в улыбке. – У мэнэ це... алиби есть.

– Что ещё за алиби?

– Так я ж у вас тут свидетель на свадьбе. Я ж нэ могу одною рукою буты свидетелем, а другою клуб жечь. Ой! – Павлуша внезапно сделал большие глаза и хлопнул себя огромной ладонью по губам. – А у вас там ничего ценного нэ було?

– Да ничего особенного, – усмехнулся Илья Наумович. – Зубная щётка, немного денег и моя сегодняшняя брачная ночь.

Павлуша убито покачал головой.

– Щётку я вам куплю, – сказал он.

– Обязательно, – кивнул Илья Наумович. – Павлуша, Павлуша... Даже не знаю, что мне делать – плакать, смеяться, назвать тебя идиотом, расцеловать тебя... Пойдём, Павлуша, позвоним в пожарную часть.

– Думаетэ, вже можна?

– Думаю, уже можно. – Он с нежностью глянул на Павлушу. – Счастлива земля, имеющая таких людей. Конечно, по-своему, но счастлива.

Историю с клубным пожаром удалось замять. Никому особо не хотелось расследовать это тёмное дело, и пожар приписали самовозгоранию от молнии и летней засухи, хотя на дворе стоял октябрь и никаких гроз не наблюдалось. Глава руководства, в очередной раз изыскав внутренние резервы, выделил Илье Наумовичу и Дуне однокомнатную квартиру в хрущёвской пятиэтажке. Через девять месяцев у них родился мальчик, которого, вопреки слову, данному когда-то Ивану Даниловичу, супруги Альтшулеры назвали вовсе не Ваней, а Павлушей. А когда глава обиженно попенял на это Илье Наумовичу, тот ответил, что когда у них с Дуней родится дочка и потребуется дополнительная жилплощадь, они обязательно назовут девочку не иначе как в его, Ивана Даниловича, честь.

Михаил ЮДОВСКИЙ.